

дились? Дѣло въ томъ, что они близко видѣли породившіе ихъ источники“.

„Въ самомъ дѣлѣ, будемъ ли мы перелистывать всемірную лѣтопись или замѣнимъ недостовѣрную хронику философическими изслѣдованіями, мы не найдемъ у человѣческихъ знаній происхожденія, соотвѣтствующаго той идеѣ, которую охотно составляютъ себѣ о немъ. Астрономія родилась изъ предразсудка, краснорѣчіе изъ честолюбія, ненависти, лести и лжи, геометрія изъ скупости, физика изъ празднаго любопытства, все, даже мораль, изъ человѣческой гордости. Значить и наука и искусство своимъ возникновеніемъ обязаны нашимъ порокамъ: мы бы менѣе сомнѣвались въ ихъ пользѣ еслибъ онѣ возникли изъ добродѣтели“.

„Какъ унизительны для человѣчества эти размышленія! Какъ? Честность есть дочь незнанія? Науки и добродѣтель несовмѣстимы? Какихъ заключеній нельзя вывести изъ такихъ предпосылокъ! Но для того, чтобы согласить эти кажущіяся противорѣчія, стѣдуетъ только поближе рассмотреть пустоту и ничтожество великолѣпныхъ наименованій, ослѣпляющихъ насъ, и которыя мы такъ напрасно приписываемъ человѣческимъ знаніямъ“.

Этимъ скептическимъ отношеніемъ къ самостоятельному значенію науки и искусства не исчерпывается сходство между взглядами Руссо и графа Тол-